

МАНЬЧЖУРСКИЙ КРИЗИС И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1933 – 1934 ГГ.

А.В. Филинов

Московский государственный университет

имени М.В. Ломоносова

fiann@inbox.ru

Маньчжурский кризис представлял собой внешнеполитическую ситуацию, сложившуюся вследствие оккупации Японией Маньчжурии (с сентября 1931 г.) и дальнейшего продвижения японской Квантунской армии в сторону советских границ, что вызывало опасения и соответствующую реакцию со стороны руководства СССР. Кризис вызвал обострение противостояния между Советским Союзом и Японской империей, что для Дальневосточного края (ДВК) выразилось, в частности, в разворачивании мероприятий, имевших явно репрессивный характер.

Так, было принято постановление Политбюро о судебных приговорах по Забайкальской и Уссурийской железных дорогах от 20 января 1933 г., согласно которому, право утверждения приговоров «с высшей мерой социальной защиты» предоставлялось теперь «комиссии в составе т.т. Гамарника, Благоданова и соответствующего секретаря крайкома партии»¹.

Стоит сказать, что уже и без этой директивы действовал указ от 7 августа 1932 г. об охране социалистической собственности. Особенно репрессии коснулись крестьян и колхозников, когда с января по август 1933 г. дальневосточные суды применили этот закон более чем к 2 тыс. человек, но в делах 200 из них не нашлось смягчающих обстоятельств и они были приговорены к расстрелу².

В марте 1933 г. на смену С.А. Бергавинову из Москвы прислали нового секретаря – Л.И. Лаврентьева (Картвелишвили), до этого занимавшего ответственные посты на Украине и в Грузии³. С марта по май 1933 г. по 11 районам Приморской области «чисткой» было охвачено 265 колхозов, через которую прошло 1.262 чел⁴.

Необходимо сказать несколько слов и о положении некоторых отдельных народов на территории ДВК. 8 марта 1933 г. появилось специальное решение Политбюро ЦК ВКП (б) в связи с переходом китайцев на территорию СССР, содержавшее, в частности, указания «впредь интернировать только высший и старший начсостав <...> Остальной состав после разоружения не заключать в концлагерь, не кормить их, предложив им

¹ Сталинское Политбюро в 30-е гг. Сб. док. - М., 1995. - С. 62.

² Проскурина Л.И. Репрессии в дальневосточной деревне в конце 1920-х – 1-й половине 1930-х гг. // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920-1950-е гг.: Материалы первой Дальневосточной научно-практической конференции. - Владивосток, 1997. - С. 124-125.

³ Вада Х. Россия как проблема мировой истории. Избранные труды. - М., 1999. - С. 333.

⁴ Проскурина Л.И. Указ. соч. - С. 126.

встать на работу, а в случае отказа от работы – гнать их в шею подальше от границ»¹.

Данный документ особенно любопытен в связи с тем, что в 1930-е гг. китайские рабочие составляли довольно значительную прослойку в ряде отраслей дальневосточной промышленности. Среди китайцев было немало ударников труда, и, несмотря на поощрение переселения русского населения на Дальний Восток из центральных, южных и западных регионов России, во многих отраслях промышленности ставка по-прежнему делалась именно на китайских рабочих².

Но гораздо интереснее другое. Тем же постановлением Политбюро от 8 марта ОГПУ было приказано «взять под особое наблюдение всех китайцев, перешедших на нашу территорию»³, однако, правоохранные органы не были в состоянии уследить даже за уже приехавшими китайскими рабочими, которых согласно официальным данным, в 1932 г. в ДВК находилось 57.711 человек, в том числе во Владивостоке насчитывалось до 15 тыс. китайских рабочих⁴.

Тем временем, советское руководство продолжало планомерно «закручивать гайки», расширяя полномочия дальневосточных чекистов как бы в противовес всей остальной стране. Постановление Политбюро от 7 мая 1933 г. запрещало «тройкам ОГПУ в республиках, краях и областях (кроме ДВК) [подчёркнуто мной – А.Ф.] выносить приговоры о В.М.Н.»⁵.

С 1 января по 5 июня 1933 г. Приморским отделом ОГПУ за срыв хлебозаготовок, саботаж весеннего сева было арестовано 2.515 чел.⁶. К июню 1933 г. в крае было исключено из колхозов свыше 3 тыс. хозяйств, объявленных кулацкими. Общее количество репрессированных крестьян Приморья органами ОГПУ, судом, прокуратурой и милицией за первую половину 1933 г. составило 4.000 чел.⁷.

9 июня 1933 г. заместитель председателя ОГПУ СССР Я.С. Агранов направил И.В. Сталину докладную записку на основании сообщения от Полномочного представительства ОГПУ ДВК о «повстанческой диверсионной организации на золотых приисках», члены которой якобы распространяли в феврале 1933 г. «контрреволюционные» листовки и неизвестно каким образом планировали не только «осуществить <...> отравление семян как на местах хранения, так и в посевах <...> вызвать полную эпидемию тифа в колхозах, в армии, Артеме и Пермске, Сучане,

¹ Лубянка: Сталин и ВЧК - ГПУ - ОГПУ - НКВД. январь 1922 - декабрь 1936. - М., 2003. - С. 413.

² Залесская О.В. Китайские мигранты в условиях политической ситуации на Дальнем Востоке в конце 1920-х - середине 1930-х годов // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. - 2008. - № 86. - С. 59.

³ Лубянка: Сталин и ВЧК - ГПУ - ОГПУ - НКВД. С. 414.

⁴ Залесская О.В. Указ. соч. - С. 59.

⁵ Сталинское Политбюро в 30-е гг. - С. 63.

⁶ Проскурина Л.И. Указ. соч. - С. 126.

⁷ Там же.

Дальзаводе», но и в довершение всего рассчитывали «овладеть ДВК и ослабить силы СССР, укрепить фронт и начать наступление на запад»¹.

Во многих районах Дальнего Востока в 1933 г. были вскрыты филиалы мифической «Трудовой крестьянской партии». К примеру, на территории Биробиджанского района и Хабаровска была «обезврежена контрреволюционная вредительско-повстанческая организация», якобы активно действовавшая на протяжении ряда лет. До 28 октября 1933 г. т.е. до утверждения обвинительного заключения полномочным представителем ОГПУ Дальневосточного края Т.Д. Дерибасом, 13 человек скончались в тюрьме².

В январе 1934 г. из 500 человек, проходивших по делу, 236 (по другим данным 248) человек были осуждены, более трети из них (84 крестьянина) расстреляны, а 151 осуждён к различным срокам ИТЛ. Позже выяснится, что дело было сфабриковано усилиями секретно-политического отдела ОГПУ ДВК и комендатурой 63-го погранотряда³.

Летом 1933 г. руководство ДВК, движимое стремлением заполучить дополнительную рабочую силу, подняло вопрос о новой партии внутрикраевых переселенцев. В письмах на имя И.В. Сталина от 16 мая и 23 июля 1933 г. Л.И. Лаврентьев и Т.Д. Дерибас просили разрешения выселить из сельских районов края 5 тыс. кулацких семейств для передачи их на предприятия золотодобывающей и лесной промышленности⁴.

Санкция генсека, судя по всему, была получена, но так как других поступлений спецпоселенцев, кроме освобожденных из тюрем за этот год не выявлено, это позволило Е.Н. Чернолуцкой сделать вывод о том, что если заявка дальневосточного руководства на 1933 г. была реализована полностью, то она в 1.7 раза превысила масштабы выселений 1930-1931 гг.⁵

Дальневосточное крестьянство существенно пострадало в период проведения паспортизации на Дальнем Востоке в конце 1933 - начале 1934 гг. в связи с установлением режимных пограничных зон здесь была проведена «чистка» сельского населения, поскольку в этих районах края в основном проживала значительная часть казачества и старожильское зажиточное население, в большинстве своём отрицательно относившееся к советской власти и проводившейся коллективизации⁶.

¹ Лубянка: Сталин и ВЧК - ГПУ - ОГПУ - НКВД. - С. 442.

² Деревянко А.П. Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1930-е гг. // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920-1950-е гг.: Материалы первой Дальневосточной научно-практической конференции. - Владивосток, 1997. - С. 48-49.

³ Аурилене Е.Е., Цыбин А.Ю. Меч пролетарской диктатуры: Дальневосточные органы ГПУ-ОГПУ в борьбе за экономическую безопасность СССР. - Хабаровск, 2010. - С. 43.

⁴ Чернолуцкая Е.Н. Принудительное переселение дальневосточных крестьян в 1930-1933 гг. // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. - 2009. - № 1 (143). - С. 46.

⁵ Там же.

⁶ Проскурина Л.И. Указ. соч. - С. 127.

Выявленные «политически ненадёжные и уголовные элементы» (чаще всего, обычные крестьяне) подвергались «принятию решительных мер по выселению», особенно если им не посчастливилось проживать в районах, «близлежащих к японским концессиям», например на Сахалине, что подтверждалось постановлением Политбюро ЦК ВКП (б) о проведении паспортизации, датированном 15 августа 1933 г.¹

Кроме того, особенно остро летом 1933 г. стояла проблема хищения хлеба и поэтому перед ОГПУ бы поставлена задача всеми доступными средствами (кроме массовых арестов) обеспечить защиту колхозно-совхозного урожая по всему пути прохождения хлеба – от уборки с полей до элеватора². О том, как дальневосточные чекисты справлялись с этой задачей, свидетельствует обстоятельное письмо, направленное в Кремль в 1933 г. полномочным представителем ОГПУ по ДВК Т.Д. Дерибасом и начальником инспекции резервов М.С. Вовси, сообщающих о бездеятельности местного аппарата треста «Заготзерно», в связи с чем в крае создалось угрожающее положение с хранением зерна, поступившего из государственного фонда³.

Проблема состояла в том, что некоторые сотрудники органов госбезопасности, видимо, временами были не лучше тех, на кого поступали жалобы в Москву. Об этом довольно красноречиво свидетельствует решение уже от 29 декабря 1933 г. «возложить охрану всех фондовых хлебных складов по Восточной Сибири на войска ОГПУ с тем, чтобы ГПУ Восточной Сибири ничего не присваивало из запасов (складов) государства, как это имело место в отношении импортного государственного скота [подчёркнуто мной – А.Ф.]»⁴.

То, что порядок хранения стратегических продовольственных резервов вызывал серьёзное беспокойство, говорит также ещё одно постановление Политбюро, ставшее, в общем-то, итогом только что описанной ситуации. 15 февраля 1934 г. было признано совершенно необходимым «обязать крайком ДВК и т. Дерибаса взять под особое наблюдение строительство складов для хранения хлеба особого оборонного фонда, обеспечив строительство таких складов, которые позволяют хранить хлеб насыпью и исключают опасность порчи хлеба из-за качества склада»⁵.

Выше уже упоминавшиеся «чистки» среди местного населения ДВК продолжались и осенью 1934 г., когда 40,3 тыс. чел. «беспартийных» вынуждены были покинуть места проживания, в основном это были сельские жители. Так, из Гродековского района было выселено около 16% населения, из приграничного села Сальского Иманского района – 1/3 часть жителей⁶.

Убийство С.М. Кирова в декабре 1934 г. И.В. Сталин поспешил использовать для расправы с оппозицией и ненадёжными сторонниками, в

¹ Лубянка: Сталин и ВЧК - ГПУ - ОГПУ - НКВД. - С. 464.

² Аурилене Е.Е., Цыбин А.Ю. Указ. соч. - С. 50.

³ Там же. С. 51.

⁴ ВКП (б), Коминтерн и Япония. 1917-1941 гг. - М., 2001. - Док. № 140. - С. 120.

⁵ Там же. Док. № 142. - С. 120.

⁶ Проскурина Л.И. Указ. соч. - С. 128.

том числе и в ДВК. На Дальнем Востоке первой жертвой «кировского инцидента» стал второй секретарь крайкома партии Самойлов, смещённый с формулировкой «троцкист» с должности, которую вскоре занял В.В. Птуха¹, хотя ещё по данным на 1 января 1934 г. из 20 МТС Дальнего Востока было изгнано 25% председателей колхозов, 23% завхозов и бухгалтеров как классово чуждых элементов².

THE MANCHURIAN CRISIS AND POLITICAL REPRESSIONS IN THE SOVIET FAR EAST IN 1933 - 1934.

A.V. Filinov
Moscow State University

The Manchurian crisis is a significant period not only for the international situation in the first half of the 1930s, but also for the internal political situation in the USSR. Therefore, the purpose of the article is to study some aspects of the Manchurian crisis with reference to the Soviet Far East. In particular, the article examines the activities of the Soviet state security agencies (OGPU-NKVD) to conduct repressive activities and organize political «purges» in the Far East in connection with the external threat.

Key words: Manchurian crisis, political repressions, Soviet Far East, OGPU, NKVD, 1930s.

¹ Вада Х. Указ. соч. - С. 335

² Проскурина Л.И. Указ. соч. - С. 127.